

В. П. МЕЩЕРСКИЙ

Письма великому князю Александру Александровичу. 1865–1867 годы

<Фрагменты>

<...>

№ 17

[12 апреля 1865¹]

Ваше высочество
дорогой Александр Александрович!

Не дерзаю в такую минуту думать Вас утешать. Несчастье слишком велико, горе слишком безутешно! Повинуюсь лишь движению разбитого горем сердца, под влиянием которого плачу и молюсь с теми, которые любили всею душою дорогого Николая Александровича. Твердо верю, что душа его, столь много страдавшая здесь, теперь на небесах. Молю Бога, чтобы Он дал Вам тихую покорность Его неисповедимой воле и сберег бы в душе Вашей на всю жизнь неизгладимую чистую и священную память Вашего Первого и Лучшего друга. Пусть будет она таинственным руководителем Вашей жизни: вечная память друга есть тот же верный друг!

Позвольте крепко от всей души обнять Вас и просить Вас верить моей смиренной и глубокой преданности

К. В. Мещерский²

<...>

№ 19

*Начато в С.-Петербурге
28 апреля 1865 года, окончено
в г. Луге на ст[анции]
жел[езной] дор[оги]*

Ваше Высочество!

Дорогой и возлюбленный Александр Александрович!

Встречая Вас на родной земле, приветствую Вас, увы! с скорбною душою, потрясенною безутешным горем! <...>³

Теперь и здесь неуместно говорить о многом, о чем хочется, любя Вас, говорить много и долго! Если Вы сохраните мне дружбу и дадите мне Ваше доверие, то я тем и другим буду пользоваться, чтобы любить Вас не на словах, а на деле! Наши отношения, доселе дружеские и интимные, должны уступить место другим, не менее, надеюсь, дружеским, но другого свойства, основанным на благоговении к Вашему положению!⁴ Если суждено им быть неприкосновенными, то, кажется мне, мы пойдем друг друга, ибо над нами и между нами будет всегда присуща возлюбленная и дорогая память Вашего брата, который сказал мне однажды: «Будьте другом моему Саше». Да, дорогой Александр Александрович, я буду счастлив, если Вы поверите моей дружбе и моему желанию быть Вам, насколько могу, полезным! Но, кончая эти строки, умоляю Вас именем всего, что Вам дорого и свято, во имя памяти Вашего брата, не будьте как были доселе вполне скрытым для всех. <...> Вам преданный душою и глубоко уважающий Вас

К. В. М.

<...>

№ 28

[24 июня 1865⁵]

Милый и дорогой Александр Александрович!

Милый Сф[инкс]⁶,

Вы видите, что я недолго высидел в своем уединении без беседы с Вами: не сердитесь за эту торопливость: она в порядке вещей и лучше всякого слова служит ответом на Ваш вчерашний вопрос: «Вам жаль со мною расстаться?» А Вы, милый сф[инкс], жалели ли Вы хоть немного расстаться со мною: отвечайте только в том случае, если ответ будет «да»!

Увы! не хватает духу Вас приветствовать с новосельем: вчера вечером, гуляя одиноко крутом озера, вспомнил о Вас около 9 часов вечера и подумал, как тяжело было Вам свидеться с Вашим новым жилищем, с милою избою, покинутою хозяином, где так недавно он

и Вы были так счастливы и так беззаботны. Здесь, как и везде, Ваша доля вступать на его место, встречать на каждом шагу воспоминания незаменимой утраты и безвозвратного прошедшего, тяжелая доля, признаюсь, в Вашей жизни!

О себе сказать Вам нечего: вчера целый вечер сидел у себя в одиночестве, писал письма и много думал и вспоминал про наше житье-бытье, про Ваш роман, про тайны Вашего сердца⁷, про молодцовский Ваш подвиг⁸ и, наконец, про наше полуночное прелестное катание на озере!⁹ По этому поводу скажу Вам: «А все-таки Вы странный человек!» Ничего или по крайней мере весьма мало разберу в Вашем духовном мире. Знаете ли, что меня всего более тревожит: это опасение за Вашу решимость не рассуждать ни о чем и быть вполне философом во всем, что до Вас касается. Но прежде чем говорить об этом, вот вам вопрос для ответа в письме. Насколько Ваша философия будет простираться или, другими словами, во всем ли без исключения Вы решились отказаться от инициативы? Набросайте, прошу Вас, несколько мыслей об этом предмете.

Ел[изавета] Вас[ильевна] Ребиндер меня успокоила: никаких особенных обвинений против Вас не было: с души слегло тяжелое бремя!

Благодарю Вас от всей души за то, что Вы в эти дни были со мной *ласковы, милы и любезны*: не знаю, чему приписать эту благотворную в Вас перемену: моей ли просьбе или тому настроению души, в котором Вы были все эти дни до и после разлуки с М. Э. [Мещерской]. Вообще скажу Вам: Вы переменялись к лучшему и сделали большой шаг вперед. Если еще пока Вы не открываетесь, то по крайней мере проговариваетесь. И за это спасибо: как голодный, хватаюсь за все, что может Вас открыть, Вас сблизить со мною, и не унываю!

<...>

№ 30

Царское Село, 28 июня [1865¹⁰]

Милейший и дорогой
Александр Александрович!

Прибыл в Царское сегодня в 5 часов после трехдневной с ним разлуки: приехали мы с Н[иколаем] М[аксимилиановичем Лейхтенбергским], который провожает К. Гр. [Ребиндера] на Варш[авскую] жел[езную] дорогу и оттуда катит на перекладной прямо в Сергиевку. Пусто здесь и очень пусто, грустно здесь и очень грустно. Многого нет, к чему привык и от чего отвыкать не хочется. В этом многом и Вы, милый Сф[инкс], играете немаловажную роль. Разгул, увы! лишь одному воображению среди этой мертвой тишины: созидаю

себе образы, оживляю воспоминания и беседую с ними. Но это все Schwärmerei¹¹ (по-немецки), а по-русски вздор (любимое когда-то Ваше слово). Будемте лучше говорить о действительности, тем более что Вы не из таких, которым в жизни *нужны химеры, чтобы быть счастливыми!*¹² Итак, к делу! Вчерашний день, проведенный отчасти с Вами, оставил во мне много приятных воспоминаний: если бы не левая рука, имевшая печальную участь быть в руке Геркулеса в кубе Лари Воронц[ова-Дашкова], не напоминала бы о себе болью¹³, то все было бы сладко и приятно как воспоминание! О вечернем нашем свидании, т. е. о чтении журнала, поговорю подробно в своем журнале, а дотоле набросаю несколько мыслей. Мысли, подчеркнутые красным карандашом¹⁴, просят ответа: убедительно прошу Вас отвечать тотчас после чтения, пока свежо впечатление: к тому же на душе у Вас еще долг — ответ на 2 вопроса моего первого письма. Но успокойтесь — мучить Вас бесконечностью в форме посланий не буду. (Излагать буду мысли в виде афоризмов, оно легче! Так делал друг [Д. С.] Арсеньева — Кузьма Прутков!¹⁵) Нет! лучше без афоризмов!

Мне жаль было увидеть из Вашего журнала, что свидания в Павл[овске] с М. Э. [Мещерской] не были последними в смысле временной разлуки, Петергоф их возобновляет¹⁶. Дело не в свидании, а во впечатлениях: последнее в Павл[овске] имело важное и таинственное значение *победы рассудка над чувством*. Возобновлять искушения не следует: они ослабляют духовную силу, *растрavляют воображение и чувственность*, а главное, отвлекают Вас от главного, священного дела, к которому Вы готовитесь, от дела присяги! Прекрасные строки были те, где Вы говорите о том, о чем молитесь Богу, Вы просите у Него счастья, но прежде всего будьте его достойны. *Часто ли Вы и долго ли Вы обдумываете то, что Вам предстоит?*¹⁷ Много говорили мы с Вами, но ни разу еще Вы не промолвили даже слова о том, что испытала и испытывает душа Ваша при мысли о перемене в Вашей жизни и с тем вместе в жизни Русского Государства. Последнее придает этому событию столь громадную и священную важность! *Отчего это упорное молчание? Неужели оно выражает молчание Вашей души о всем, что теперь озабочивает каждого русского?* Тяжело любить Вас и не находить ни полужвука отголоска на все, чем полна душа! Вы скажете: до поры до времени; *но когда же настанет время, чем дальше, тем все более и более Вы будете привыкать к этой неподвижности, к этому равнодушию, к этому упорному молчанию!* Более чем когда-либо, журнал Ваш может быть полезен: *хоть ему посвящайте Ваши думы*. 8 маленьких страниц, написанных Вами в роковой день 12 апр[еля], доказывают, как глубоко Вы чувствуете и как нетрудно Вам выражать то, что чувствуете

в минуты, потрясающие жизнь, в минуты важные и торжественные! Нынешние минуты не менее торжественны, не менее страшны по ответственности, которая на Вас будет возложена. В *Вашей воле* будут заключаться в будущем радости и счастье или горе и несчастье 60 мил. русских! Если захотите вникнуть в Ваше положение, понять его и пробудить в себе *жизнь*, то Вы примитесь уже теперь работать для блага нашего бедного отечества. Если теперь ничего в Вас не изменится и Вы не захотите переродиться, т. е. перестать быть философом школы равнодушных, то Вы сознательно готовите печальную будущность России. *Так или нет? Согласны или не согласны? Если согласны, то тогда только будемте толковать о том, что значит перестать быть философом и пробудить в себе жизнь!*¹⁸ Тогда увидите, дорогой Ал[ександр] Алекс[андрович], что Вы во главе тех людей, которые, смотря на жизнь, не могут, увы! сказать про нее «такая пустая и глупая шутка»!¹⁹ Вот почему решаюсь прежде всего во имя дружбы умолять Вас о следующем. Когда Ваш день присяги будет решительно назначен, то за 4 дня до этого приступите к говению и к причащению Св. Тайн. Бог один может дать Вам нужную Вам силу для вступления на новое поприще жизни, на котором так мало радостей, так много затруднений! Вы скажете на это: «это никогда не делалось»; я отвечу Вам: никогда доселе наследник русского престола не присягал над свежую могилу 20-летнего брата, никогда это трудное служенье не достигало его так внезапно и неожиданно! Нет сомнения, что это желание Ваше будет принято с сочувствием теми, от которых Вы зависите. Нет сомнения, что в эти минуты приготовления к присяге много, много русских сердец будут молиться за Вас. *Трудно решиться Вам высказать это желание, но решитесь! В эти 4 дня Вы много обдумаете и много низойдет на Вас вдохновения свыше.*

Этим заключаю первое послание. Простите мне его: оно написано от души, полною любви к Вам, полною забот о Вас. С нетерпением буду ждать ответа, только с условием писать как придется и как вздумается, и если можно, тотчас, предполагая, что Вы его прочтете вечером в час нашего журнального чтения! Написав его, отправьте с *Вашею*²⁰ почтою в Петербург с адресом моим городским. Перечитайте и первое мое письмо, если можете! Засим позвольте обнять Вас крепко и нежно! Да хранит Вас Бог. Вам преданный всею душою и Вас глубоко уважающий

К. В. М.

Царское Село, 28 июня

Поздравляю Вас с именинником, поздравляю и себя со своим отцом²¹.

Р. С. Соседка моя похорошела. Муж ее приобрел новую пару лошадей. Кн. Е. Кочубей *in statu quo!*²² *А я? находите ли Вы, что я исправляюсь?*²³

№ 31

*Царское Село, 4 июля 1865 года*²⁴

Милейший и дорогой Александр Александрович!

Я ожидал целый вчерашний день Вашей депеши, согласно уговору, но, весьма вероятно, в силу поговорки «*Loïn des yeux, loïn du coeur*»²⁵ Вы не удостоили даже вспомнить о мне и оставляете меня в полнейшем неведении насчет сегодняшнего дня. Вследствие сего по привычке предполагать для себя *худшее*, заключил о Вашем нежелании меня видеть, что весьма естественно после 2½ часов свидания, в течение к[ото]рых успел и надоесть*! Вот почему заставляю себя сидеть сегодня в Царском, но пишу Вам, в ответ на Ваше письмо, в надежде, что, за невозможностью Вас видеть, успею на этой неделе написать Вам 2 раза и оба раза получить от Вас ответ! Умоляю Вас, отвечайте мне тотчас, ибо Вы представить себе не можете, какое удовольствие доставляют мне Ваши письма, вроде последнего! Будьте пай, милый и добрейший Сфинкс! Итак, начну с Вашего письма. Оно полнейшее опровержение того, чем Вы кажетесь для всех знающих Вас людей: вот почему для меня оно так ценно и дорого. Вы в нем растворили как бы окошечко в Ваш внутренний мир и рассуждаете о нем, хотя видно, как много оно Вам стоит, ибо не хватило терпения дать мне ответы на все мои вопросы, и перо выпало из рук, когда беседа была не окончена под предлогом, что некогда писать. Смею надеяться, что чем далее, тем более Вы будете разгуливаться в письмах и будете писать без утомления! Все же спасибо, от души спасибо за первый опыт душевного обмена мыслей.

Вы говорите: *ими* (т. е. чувствами любви к М[арии] Э[лимовне Мещерской]) *я только и подкрепляю себя в эти трудные минуты моей жизни*. Это понятно, ибо в чувстве любви есть много подкрепляющей и поощряющей силы: но оно далеко не единственная сила, которая должна Вас подкреплять духом в минуты уныния. Есть 2 чувства выше всех других чувств: первое — чувство веры в Бога, второе — любовь к России. Боюсь, чтобы первое²⁷, вследствие Вашего затвора, Вашей привычки философствовать и сживаться с душною и неподвижною атмосферою, в которой Вы находитесь, *не ослабло бы и осталось в Вас лишь как мысль, но не чувство*. О втором не знаю ровно ничего: *верю и знаю, что Вы религиозны: но не знаю,*

* *Cela n'est pas sérieux*²⁶.

насколько Вы твердо верите, не знаю, часто ли в эти трудные минуты, близкие к отчаянию, обращаетесь всею душою к Богу и молитесь Ему быть с Вами, подкрепить Вас, утешить и не вводить в искушение.

Далее Вы говорите, что о Вашем теперешнем положении Вы мало говорите, потому что Вам тяжело об нем думать и *постоянно говорить о нем может привести Вас в отчаяние*. О! дорогой Александр Александрович! Здесь Вы очень ошибаетесь, уверяю Вас в этом перед Богом и своею совестью. Чем более Вы будете о нем говорить, тем далее Вы будете от отчаяния, напротив, чем более Вы будете об этом только думать про себя и рассуждать только с собою, тем скорее Вами овладеет отчаяние и равнодушие, к которым теперь уже Вы так близки. Верьте мне, не менее Вас об этом думаю я, думает Б. А. [Перовский]: не менее Вас каждый из любящих Вас, т. е. Вашу душу, страдает за Вас, мучится за Вас, придумывает средства Вам облегчить Ваше приготовление к будущему! Если всего этого Вы не хотите знать, всего этого Вам не нужно, то не есть ли это признак того, как мало Вы любите любящих Вас, как мало Вы цените искреннюю дружбу; если Вы решитесь идти по этой дороге, то Вас ожидает гораздо худшее, чем Ваше собственное отчаяние (к которому Вы никогда не придете, ибо в Вашей сфере так легко жить без забот и находить тысячи развлечений — закрывающих от Вас мир действительной жизни): это худшее есть отчаяние за Вас тех, к[ото]рые теперь мучаются заботами о Вас и мучаются с любовью, ибо привязаны к Вашей душе. Если эти люди махнут рукою, то тогда что будет? Более чем когда-либо Вы будете преданы самому себе, и никто не осмелится подступить к Вам с правдою и с душевным советом: Вас утешать станут лестью, похвалами, клеветою на честных людей, и Вы никогда не узнаете, что за этою стеною неискренних друзей — много людей Вас строго судят, Вас осуждают и Вас не любят за то, что Вы проявляете полнейшее равнодушие к всему, что заставляяет русское сердце и русский ум чувствовать и мыслить!

Напротив, если Вы станете говорить о Вашем положении, станете спрашивать, интересоваться всем, Вам тотчас же станет легче, Вы тотчас увидите яснее, тысячи благородных сердец откликнутся на Ваш искренний голос, везде Вы найдете честную услугу, всякий, кто будет с Вами говорить, будет гореть охотою Вам сообщить все, что знает, будет говорить с Вами и о Вас с любовью, с восторгом, и мало-помалу не будут уже ждать Вашего вопроса, а будут предупреждать всякое возможное Вас встретить затруднение или недоразумение. Словом, жить Вам будет легче, в миллион раз легче. Когда, Бог даст, Вы

женитесь и будете самостоятельны в своем доме, Вы будете тогда в состоянии учиться не по книгам и тетрадам (что скучно и бесполезно), а учиться в книге жизни в разговорах с людьми, к[ото]рые, встречая в Вас сочувствие ко всему доброму, будут твердыми охранами Вам от всего злого, но в то же время будут постоянно вносить в Вашу жизнь свежесть, правду и знание, основанное не на лжи, но на добросовестном изучении России и просветляемое любовью к отечеству. Тогда смело, с благословением Бога, с опорой в честных людях Вы будете подвигаться к будущему, и в день, когда Богу будет угодно вверить Вам судьбу России, Вы встретите не опасения, не рабское повиновение, но надежды людей, проникнутые любовью и доверием. Эта картина, эти слова не вымысел, дорогой Александр Александрович: говорю не я, но говорят те люди, к[ото]рых Вы не видите, но к[ото]рых я вижу и которые говорят о Вас с живым участием. Их много, но знайте, что много также таких, к[ото]рые говорят иначе, которые ссылаются, увы, на Вас, чтобы подтвердить те осуждения и нападки, которые против Вас они произносят, эти люди говорят: «Чего нам ждать от нынешнего наследника, и можно ли любить его, когда он знать никого не хочет, ничем не интересуется и т. п.». Как часто после таких отзывов я приходил к себе, плакал о Вас, молился Богу, брал перо в руки, чтобы Вам писать, но Ваша неподвижность, Ваша скрытность, как холодные тени, становились предо мною, и перо выпадало из рук, и мне становилось еще грустнее, и еще крепче я любил Вас в эти тяжелые минуты.

Если же Вы решительно не хотите перемениться и [хотите] все держать про себя, то, увы! дорогой Александр Александрович, все останется по-прежнему: от людей, Вас окружающих, Вы помощи не дождетесь, ибо не будет между Вами и ими других отношений как холодное почитание Вашего сана с обменом безжизненного разговора: профессора и люди, с к[ото]рыми Вы будете встречаться тогда, будут, как теперь, выходить от Вас с грустным впечатлением и убеждением, что Вы не нуждаетесь в помощи, ибо относитесь к ним с полнейшим пренебрежением, отнимая у них всякую охоту говорить с душою, и, увы! эти впечатления, эти убеждения расходятся весьма скоро и повторяются тысячи и тысячи раз. *Тогда, увы! Вами может овладеть отчаяние!*

Но теперь, пока еще есть время, пока Вы не произнесли перед лицом всей России обета служить ей верно в ожидании престола²⁸, Вы отчаиваться не должны. Все как бы ждут, глядя на Вас, Вашего последнего слова, к[ото]рое должно решить Вашу участь и участь России.

№ 33

Царское, 1865, 11 июля 11½ ч. ночи

Милый, дорогой и милейший
Александр Александрович!

Как сказано, так и сделано: беру перо в руки с целью беседовать с Вами, имея в виду, что письмо к Вам придет завтра вечером и с избытком заместит Вам мою дряблую персону, которая подчас Вам не по вкусу.

Знаете что, милый сфинкс, прочитав вновь Ваши последние два милые письма, я невольно из нек[ото]рых слов Ваших вывел заключение, что Вам не только неприятно говорить с кем-либо о Вашем положении, но неприятно то упорство, с к[ото]рым любящие Вас наблюдают за Вашими наружными проявлениями и пытаются Вам от времени до времени напоминать всю важность Вашего нового положения. Нисколько не осуждаю Вас за это, но, сколько мне кажется, Вы не так смотрите на это постоянное обращение к Вашему сокрытому внутреннему миру. Неужели Вы думаете, что, говоря Вам об этом в письмах, я имею в виду уговаривать Вас бросить 20-летние удовольствия, забавы, заботы и т. п. и исключительно быть занятым мыслию о том, что Вам предстоит в будущем. Было бы с чего не только прийти в отчаяние, но просто с ума сойти. Напротив, между нами буде сказано, никто так не чувствует больно и крепко, до какой степени Ваша атмосфера Вас душит и мешает Вам пользоваться, т. е. наслаждаться, 20 годами жизни, которые, увы, не повторяются ни на единое мгновение после; как бы хотелось Вас видеть на свежем воздухе, в кругу сверстников, достойных Вас, за чашею жизни сладкою и на время беззаботное; как Вам было бы гораздо легче знакомиться с жизнью и людьми в обыкновенной обстановке 20-летнего юноши! Но все это мечты, разлетающиеся в пыль от глубокого вздоха, вырывающегося из груди при встрече с действительностью! Как Вы говорите, ждать Вам счастья только от семейной жизни, а до этого терпеть, если терпенья хватит!

Если так часто в нынешние дни я обращаюсь к Вам с этими напоминаниями, то делаю это именно с целью Вас убедить выйти из себя и отдаться наружному миру с полным доверием, ибо я убежден, что, раз что Вы на это решитесь, Вам будет несравненно легче жить и выступать вперед по тому пути, который предстоит пред Вами. Когда я вижу Вас и бываю с Вами, Вы представить себе не можете, как мне больно и тяжело за Вас, тяжело разделять с Вами бремя Ваших забот и мыслей, о к[ото]рых узнаю не из разговора с Вами, но потому, что, зная Вас и любя Вас, могу многое в Вас отгадывать. Я убежден, что если бы Вы решились говорить о том, что думаете, то Вам гораздо менее пришлось бы думать об этом и мучиться этим

наедине. Вы бы могли учиться за веселым ужином точно так же, как в кабинете за письменным столом, имея перед собою холодную теорию профессора. Стоит Вам только попытаться заговорить с кем-либо *первым*, и Вы бы увидели, что не много труда было бы Вам продолжать.

<...>

№ 40

11 февраля 1866

Чем выше положение, тем более обязанностей, а чем более обязанностей, тем более способов грешить, ибо тем чаще приходится эти обязанности нарушать!

Мужику, посвящающему весь свой день на заработку тяжелым трудом насущного хлеба, необразованному ни религиозно, ни умственно, ни нравственно, — нельзя вменять во грех равнодушие к всему, что до него лично не касается, или эгоизм, или увлечение страстью, или вообще все то, что составляет множество обязанностей нравственных, разложенных между людьми пропорционально их общественному положению и степени образования.

Если от этого скромного по ответственности перед Богом и людьми положения человека перенестись через бездну, отделяющую мужика от высшего положения в обществе, и стать на ту высоту, где стоите Вы, то становится страшно при встрече с Вашею ответственностью перед Богом и людьми. Здесь каждая минута, отнятая у долга, есть нарушение какой-либо самой важной и священной обязанности; здесь то, что каждому человеку принадлежит по природе — думать о самом себе, получает значение греха, ибо, думая о себе, Вы нарушаете главнейшую Вашу обязанность — жить *исключительно для других*. Затем, когда подумаешь, что эти другие — изображают числом 60 м[ил]. душ и целую будущность государства, тогда невольно придешь к заключению, что мало тех часов, которые Вы проводите без сна для того, чтобы вдоволь надумать о страшной и беспредельной Вашей ответственности перед Богом.

Такое положение приводить в отчаяние не должно, ибо в мире нет обязанности, которая была бы неисполнима. Напротив, оно должно наполнять Вас каким-то особенным желанием жить, ибо если, с одной стороны, нет положения, в котором было бы столь много случаев грешить, как в Вашем, с другой стороны, никому из людей в мире так нелегко творить добро и исполнять свой долг, как Вам. Каждый из нас стремится к добру, хочет делать добро, но у каждого из нас есть границы, далее которых он идти не может, есть события частной жизни, служащие препятствиями, есть, на-

конец, вечное столкновение своей воли с волями других; у Вас нет частной жизни, нет препятствий, нет воли, которая могла бы служить помехою Вашей воле: все, что живет, все то под Вами, все, что живет, нуждается в Вашей жизни; никто и ничто Вас материально обязывать не может. Но зато перед Вами беспредельный мир для добра, которого не исчерпаешь в целую долгую жизнь, исключительно на то посвященную. Зато, если никто Вас из людей обязывать не может, никого, кроме Вас, так строго и так неумолимо не обязывает Бог и Ваша совесть.

Согласны ли Вы с этим?²⁹

Если согласны, то перейдем к краткому обзору тех нарушений и, следовательно, тех грехов, которые чаще других бросались в глаза в последнее время!

Увы, первый из них часто был предметом наших бесед. Как нередко в разговорах при людях слышал я от Вас слова, в которых высказывалось неуважение к Церкви и к ее обрядам. Это неуважение, вызванное часто необдуманностью, смущало многих, и не только смущало, но служило дурным примером! Между тем — сколько мне кажется, в Вашем положении смущать других не только грех, но и преступление перед Богом! Помните, что Церковь за Вас ежедневно молится, помните, что на уважении к Церкви основано Государство, помните, что Церковь Ваша главная сила, ибо через нее нисходит на Вас благодать Божия, помните, наконец, и то, что если пример неуважения к Церкви будет исходить от Вас, то Вы расшатаете главную основу ожидающего Вас престола.

Случалось ли Вам строго поверять себя и спрашивать: достаточно ли Вы отдаете себе отчет в Вашем нынешнем положении? Помните ли Вы не раз сказанные Вами слова: «Я все был бы готов сделать, чтобы меня сослали бы куда-нибудь, только чтобы избавиться бы мне от моего нынешнего положения». Как согласовать это с тем, что Вы часто будто думаете о Вашем положении, веруете в Бога и любите Россию? Где же результат этих дум; где же вера, где любовь? Уже почти на другой день Вашей присяги России как насл[едника] прест[ола] Вы с ужасом думаете о всем, что Вас ожидает, Вы ненавидите Ваше положение, Вы сживаетесь с ним насильно, и чем дальше, тем все машинальнее Вы обходитесь с Вашими обязанностями! Вы заняты только мыслию о себе и о всем, чем Ваша жизнь стала тяжелее и заботнее прежнего, а Россия для Вас не существует как живое лицо, достойное беспредельной любви и ежеминутного участия. Если бы Вы думали о ней, а не о себе, то Вы бы в отчаяние не приходили бы, ибо некогда было бы отчаиваться — так много пришлось бы любить и изучать с любовью. На вопрос Ваш «как формулируется это явление Вашей жизни в разряде грехов» отвечу: *уныние и отчаяние*,

происходящие от отсутствия всякого живого интереса и участия к России.

С этим, увы, тесно связаны два важные греха Вашей жизни: *эгоизм и равнодушие к людям*. И то и другое в Вас доходят иногда до ужасающих размеров. Оттенки бесконечно разнообразны. Главная Ваша забота теперь — устройство штата и конюшни. Перед нею забота о России — мыльный пузырь, — один вид эгоизма. Много причин побуждало Вас на нынешней масленице не предаваться безграничному веселью, начиная от грустного одиночества Вашей матери и кончая необходимостью Вам каждую минуту посвящать занятиям — все это Вы принесли в жертву — желанию позабавиться, — другой вид эгоизма. Подумать о ком-либо, т. е. войти сердцем в его положение и вследствие этого предпринять что-либо под влиянием движения сердца, для Вас потому невозможно, что Вы не умеете подумать о других: еще и самый тяжкий вид эгоизма. Что же касается равнодушия, то, увы! доселе Вы равнодушны к всему, что до Вас не касается. После присяги первые слова Ваши были: «Слава Богу, что все кончилось, так надоело», в этих словах выразилось все: прошедшее, настоящее и, увы! будущее! Они будут повторяться всякий раз, что Вы по необходимости будете лицом к лицу с Россиею и посвящать ей станете какою-либо заботу. Но за этим будущим есть другая будущность — ее предчувствовал даже язычник древнего мира³⁰, — если там спросится ответ у того, кто не думал и не любил одного или нескольких людей, от него зависевших, то какова будет ответственность того, кто, обязанный думать о 60 м[ил]. целого государства, думал только о себе самом?

Недалеко от этих грехов до любви Вашей к М. Э. [Мещерской]. И эта любовь — грустное проявление эгоизма! Не Вы ли говорили: что мне честь женщины, если бы можно было, я бы сейчас и т. д. Не Вы ли писали: если бы не нынешняя осень, я бы никогда не мог примириться с своим положением: она меня укрепила и утешила. В первом случае встречаешь в Ваших словах самое ужасное проявление эгоизма, которому Вы готовы принести в жертву то, что выше всего на свете, — честь женщины, нарушение которой равносильно самым тяжким преступлениям! Эгоизм на это идет если не на деле, то в мыслях. Во втором случае натыкаешься на следующее явление в Вашей жизни: ни испытанное горе, ни святость моего положения, ни любовь к России, ни нравственный мир с его обязанностями, ни духовный мир с его уделом надежды и веры, ничто меня настолько [не] затрагивает, чтобы побудить меня исполнить свой долг и дать мне опору и утешение: одна осень в Царск[ом] Селе с ее таинственными встречами в аллеях парка, с ее прогулками, беспечностью и любовными волнениями — вот что было для меня исключительным утешением

и счастьем. И это тогда, когда вся Россия ждет от Вас горячих усилий, чтобы узнать ее, полюбить ее и приготовляться к ожидающему Вас престолу. Но затем и здесь в чем же грех?

В том, что Вы любите или любили без уважения к той, которой Вы много повредили, не щадя ни молвы о ней, ни обязанностей Вашего положения; в том, что Вы не сдерживали Ваше чувство, но, напротив, все делали, чтобы давать ему пищу. Грех в том, что любовь эта была и есть главною заботою Вашей жизни, перед которою все остальные бледнели.

Гордость и самолюбие: две эти черты вместе не позволяют Вам принимать советов, слушать упреки, признаваться в незнании чего-либо.

Затем пора и кончить! В этих главных чертах вся Ваша ежедневная жизнь с ее уделами горя, забот, оскорблений и слез для других — Вас любящих более, гораздо более, чем Вы любите кого бы то ни было. Подходя к Богу в эти минуты, просите его дать Вам Любовь, упражняйте Вашу душу в любви к другим и в заботах о других и поверьте, все остальное приложится к Вам.

Если же любить Вам невозможно, любить Россию всею душою и в любви находить себе силу, то тогда к чему налагать на себя такую ужасную ответственность?

Что же касается меня лично, то хотя много, много было Вашим эгоизмом и равнодушием причинено мне горя, но я слишком люблю Вас, чтобы вымолвить в эту минуту что-нибудь, кроме слов:

Благодарю, за все благодарю!

№ 43

[Не ранее 11 июня и не позднее 24 июня 1866³¹]

Ваше Высочество,
дорогой Александр Александрович!

Прежде всего извините, что пишу Вам, но в настроении души, в котором нахожусь, не могу не попытаться побеседовать с Вами и не хочу верить, чтобы Вы с насмешкою в нынешние минуты отбросили и это письмо, не прочитав его. Я был в городе и, повинувшись сердцу, отправился в домик Петра В[еликого], где отслужил молебен за Вас и за Вашу невесту, и затем под влиянием весьма понятного чувства поехал в крепость молиться над могилою Вашего брата. Не смейтесь надо мною; но лишенный всякого известия о Вас от Вас самих и отрезанный от всякого сношения с Вами, мне остается одно только отрадное: много и часто молиться за Вас. Пока Ваша немилость ко мне остается для меня догадкою и не сделалась очевидною, я решаюсь писать Вам. Итак, Вы женитесь, Вы счастливы, Вы влюблены! Ваши

письма «respirent le bonheur»³², писала Императрица к А. Н. [Мальцовой]. Когда это знаешь, можно ли не благодарить Бога от всей души и затем, бросившись в Ваши объятия, поздравить Вас с этим великим событием Вашей жизни. Впрочем, признаюсь Вам, не знаю сам, что я испытываю, когда обдумываю это событие в связи с прошедшим и с будущим. Радуюсь тому, что событие это самым красноречивым образом обличило всю несостоятельность Ваших воззрений на жизнь, которые так часто меня приводили в отчаяние. Надеюсь и убежден даже, что мысли о *fatum*³³, о презрении к людям и свету, о недоверии и замкнутости как принципы и пр. и пр. разлетелись в пыль и прах от этой первой встречи с счастьем на земле. Согласитесь, что Вы как нельзя лучше выказали себя хозяином весьма самостоятельным Ваших чувств и Вашей жизни: с прошедшим покончили, с новой эпохой Вашего земного странствования начинаете знакомиться.

Правда, что весь этот переворот произошел так быстро, что опомниться даже трудно, но все же верно то, что Вы счастливы и влюблены. Этот факт для меня так же несомненен, как тот, что, кроме ее, Вашей невесты, Вы никого не любите, ибо даже в минуты столь полного счастья находите возможным, без всякой причины, проявлять к людям близким не только равнодушие, но даже неприязнь, — ибо согласитесь, что после тех отношений, в которых мы были, не только не написать словечка, но даже не отвечать на телеграмму более чем неприязненно. <...>

<...>

№ 67

[28 марта 1867³⁴]

<...>

Умоляю Вас, дорогой Александр Александрович, избегайте всего, что может служить поводом Вас обвинять в слишком резком проявлении Вашего образа мыслей политического и Ваших воззрений на современное, как бы грустно оно ни было! Умоляю Вас не смотреть на все слишком мрачно, а для этого видеть и слышать надо побольше людей. Поверьте, Россия не зависит от того, что думает или делает [П. А.] Валувев или [М. Х.] Рейтерн!³⁵ Не выражайте при посторонних ваших суждений, ибо помните, что Вы наследник престола и на Вас обращены все взоры. От такой резкости в суждениях, которая неизбежно доходит до Г[осударя], мало-помалу в отношениях будет холодность и неискренность, и Вы потеряете возможность в важные и трудные минуты возвышать голос у царского престола в защиту правды! Даже здесь я слышал отголоски, приписывающие Вам значение главы оппозиции. Сохрани Бог, чтобы это было. На Вас станут

возлагать надежды, Вы не будете в состоянии их теперь осуществлять, и Вы уроните себя в общественном мнении и ослабите к себе доверие и надежды, прежде чем даже быть призванным иметь голос в государств[енном] управлении. <...>

<...>

№ 95

Москва, 3 декабря 1867³⁶

<...>

Прежде всего начну с повторения того, что уже не раз говорил Вам: во что бы то ни стало Вы должны избегать всего того, что может в общественном мнении возбуждать толки и приписывать Вам какое-то оппозиционное настроение; этим может быть с самого начала испорчена вся Ваша деятельность, и вместо того, чтобы быть полезными, Вы сделаетесь бессильными. Совершенно соглашаюсь с Вами: борьба с препятствиями, от Вас не зависящими, невозможна; воля, которая выше Вашей воли, как воля отца и воля Государя, требует безусловного подчинения; она абсолютно обязательна, и если она выражается в известном случае препятствием Вашему намерению, то, разумеется, это препятствие непреодолимо. Как поставленный ближе всех к престолу, как старший Вашей семьи после Государя и, наконец, как поставленный выше всех подданных в государстве, Вы обязаны служить непоколебимым примером уважения воли родительской и царской. Но эта близость к престолу, это исключительное Ваше положение обязывают Вас в то же время и к другому. Вы можете говорить Государю как сын, и всякая высказанная им воля может быть предметом душевной беседы не перед людьми (Боже сохрани), но между им и Вами; и только тогда воля для Вас Государя становится безусловно обязательною, когда, несмотря на все высказанное Вами почтительно, кротко и нежно, она остается непоколебимою. Если на наших министрах так часто ложится тяжелая ответственность за их малодушие и узкое понимание своих обязанностей и интересов верховной власти, то тем более на Вас самим Богом возложена обязанность не щадить своих личных интересов во имя пользы и правды. Всякое убеждение в Вас должно быть свято, раз что оно стало убеждением, и если это убеждение встречает в осуществлении своем препятствие в воле Государя, то более чем пред кем-либо Вы призваны перед ним свое убеждение отстаивать и затем уже слагать оружие с покорностью и, что главное, со спокойною совестью. Затем, раз что Вы поставлены в необходимость исполнять эту волю, не следует, сколько мне кажется, перед окружающими Вас давать чувствовать, насколько Вам эта необходимость не по вкусу. Иначе

пойдут толки, которые тем или другим путем всегда отражаться будут на Ваших отношениях с Г[осударем] и вредить взаимному доверию. Но всего опаснее то, чтобы мало-помалу, встречая по временам отпор Вашим благим стремлениям, Вы бы не свыклись с этою зависимою и не сделались апатичны ко всякой инициативе. Если это будет, то все пропало для настоящего и для будущего. Например, встретивши два, три препятствия к осуществлению хороших намерений, Вы можете махнуть рукою и сказать себе: «Не стоит желать этого и просить об этом, наверное откажут». Напротив, вспомните, что Вы воин жизни, призванный к борьбе до последней ее минуты. Чем более препятствий, тем неутомимей должна быть Ваша деятельность.

Подчиняясь воле Государевой, Вы в то же время призваны к большей еще самостоятельности там, где эта воля дает Вам независимое и просторное поле деятельности. Вы скажете: где оно? На это я отвечу Вам: везде, на каждом шагу; а чтобы этот ответ не казался общеою фразою, с обычною откровенностью скажу Вам следующее, дорогой Александр Александрович, не в виде упрека, но для объяснения моей мысли. Окинем взглядом нынешнее лето, и, подвергнув его строгому разбору, не найдете ли в нем много времени, отданного в полное Ваше распоряжение, которым Вы насладились уже чересчур. Если бы Вы хотели, кто бы мог помешать Вам или вернуться в Россию пораньше, или, оставив Вашу супругу в Дании, поехать одному на месяц или полтора куда-нибудь в России. В первом случае, вернувшись домой пораньше, Вы бы могли в уединении Царского Села заняться любым предметом и видетсья с кем бы Вам хотелось; во втором случае поездка куда-нибудь, хотя, например, в Архангельск, была бы весела и полезна. Что Вы этого не сделали, беда невелика, хорошо и то, что Вы запаслись покоем и силами; но я указываю лишь на то, что есть и немало у Вас случаев, в которых нет препятствий к осуществлению Вашей воли.

Далее обратимся к Вашей домашней жизни. Я уже писал Вам о средствах, Вам вполне доступных, знакомиться с Россиею даже в Петербурге, остается на них сослаться вновь с горячею надеждою, что Вы не отбросите их: 1) Иметь два раза в неделю за обедом всех приезжающих в Петербург губернаторов, предводителей, председателей земских управ, *полковых командиров армейских полков*, знаменитых фабрикантов и т. п. 2) Устраивать у себя 1 раз в неделю вечера, хотя бы музыкальные, но маленькие, постоянно изменяя списки приглашаемых разных категорий. 3) Устраивать миниатюрные вечера из нашей компании для споров и задушевной болтовни; например, пригласив И. К. Б[абста] и [Ф. Г.] Тернера, заставить их друг с другом сцепиться. 4) Раз или два в неделю на 1 час времени пригласить

того же И. К. [Бабста] для объяснения всего, что к вопросу о тарифе относится; это богатый мир для оживленной беседы!

Затем все утро и все дообеденное время остается в Вашем полном распоряжении: в нынешнем году, под влиянием любви к Вам, позволяю себе на этом настаивать avec leloquence du devoiment³⁷, как сказано в моей депеше, и уверен, что Вы за это не рассердитесь: ибо пора, именуемая lune de miel³⁸, уже минула, и Россия с ее надеждами на Вас, с ее общественными неизмеримыми нуждами — стоит пред Вами и требует от Вас начала деятельности, а откладывать решительно невозможно. Еще более безотлагательна необходимость относительно цесаревны: последние 7 месяцев ее совершенно отделили от русского мира: продолжать это отдаление невозможно, ибо тогда она будет всем чужою; вот почему, если Бог даст ей встать на ноги, на ней лежит обязанность самого деятельного сближения с Россиею и русскими. Она должна во что бы то ни стало разделять с Вами все вышепоименованные средства сближения с русским миром. Оттого так хочется и хотелось с нею увидеться нынешнею осенью, ибо говорить удобнее, чем писать, оттого так глубоко грустно было встречать постоянный отказ в этом желании ее видеть! Если Вы верите твердо, что не из личных интересов хочу с Вами видеться, то вероятно, и супруга Ваша этому поверить может!

Итак, заключаю: вот основные мысли, которые выработал, думая о Вашем положении нынешнего года: 1. *Безусловное повиновение*. 2. Твердая решимость *всякое Ваше желание отстаивать до последней силы* аргументациею мысли и сердца в свиданиях глаз на глаз с Госуд[арем]. 3. Неуклонная решимость не упадать духом и *заботу знать Россию ставить выше всего*. 4. *К осуществлению этой заботы не щадить никаких усилий* и делать все то, что может даже малою долею способствовать к сближению с Россиею и людьми. 5. Самым деятельным образом стремиться к тому, чтобы цесаревна ни в чем не отделялась от Вас в заботах знакомиться с Россиею и осуществлении этих забот. Верьте мне, дорогой Александр Александрович, если мир цесаревны будет отдельный от России мир, то Вам несравненно будет труднее исполнять на Вас лежащие обязанности.

<...>

